

нашей литературе такой же толчок, какой великая война 1812 года дала национальной жизни. Он пробудил национальное самосознание и создал прочный интерес к таким вопросам, как история нации, созидание русского государства и выработка национального характера и учреждений. Но «История» Карамзина была реакционна по направлению: он был историком русского государства, а не русского народа; он был поэтом, воспевавшим добродетели монархии и мудрость ее правителей, но он забывал о многовековой созидательной работе, совершенной неведомыми массами народа. Он совершенно не понял также те федеральные принципы, которые господствовали в России вплоть до XV столетия; и еще менее того ему были понятны обыденные, мирские начала, благодаря которым русский народ мог занять и колонизовать огромный материк. Для него история России являлась в форме правильного, органического развития монархии, начиная от первого появления скандинавских князей и вплоть до настоящего времени, и он занимался главным образом описанием деяний монархов, их побед и их усилий в деле созидания государства; но, как часто бывает с русскими писателями, примечания к его «Истории» были сами по себе историческим трудом. Они являлись богатым рудником, в котором были заключены сведения относительно источников русской истории, и они внушали заурядному читателю мысль, что ранние столетия средневековой России с ее независимыми городами-республиками были гораздо более интересны в действительности, чем они были представлены в книге Карамзина⁵.

Вообще, Карамзин не был основателем исторической школы, но он успел показать русским читателям, что Россия обладает прошлым, достойным изучения. Кроме того, его труд был произведением литературного искусства, и, благодаря блестящему стилю, он приучил публику к чтению исторических работ. Первое издание восьмитомной «Истории» (3000 экз.) было распродано в 25 дней.

Нужно заметить, что влияние Карамзина не ограничивается его «Историей». Его повести и «Письма русского путешественника» оказали на русскую литературную мысль гораздо более значительное влияние. В своих «Письмах» он старался ознакомить широкий круг русских читателей с продуктами европейской мысли, философии и политической жизни; он распространял гуманитарные взгляды, особенно ценные для России именно в то время, чтобы действовать как противовес печальным явлениям политической и общественной жизни; наконец, он установил живую связь между умственной жизнью нашей страны и Европы. Что касается до повестей Карамзина, то в них он является истинным последователем сентиментального романтизма; но надо помнить, что это литературное направление отвечало тогда потребностям времени, как реакция против ложноклассической школы. В одной из своих повестей — «Бедная Лиза» (1792) — Карамзин описывал бедствия крестьянской девушки, которая влюбилась в дворянина, была брошена им и с горя утопилась в пруде. Крестьянская девушка, изображенная Карамзиным, конечно, не отвечает нашим теперешним реалистическим требованиям. Она говорит высоким слогом и вообще меньше всего похожа на крестьянку; но вся читающая Россия пролиwała слезы над страданиями «бедной Лизы», и пруд, в котором автор утопил свою героиню, усердно посещался сентиментальными московскими юношами и девицами. Одним из источников одушевленного протеста против крепостного права, который мы найдем позднее в русской литературе, является, таким образом, между прочим и сентиментализм Карамзина.

Жуковский (1783—1852) был романтическим поэтом в самом истинном значении этого слова; он благоговейно поклонялся поэзии и вполне понимал ее облагораживающую силу. Его перу принадлежит не много оригинальных произведений, и он замечателен главным образом как переводчик, воссоздавший чудными стихами поэмы Шиллера, Уланда, Гёте, Байрона, Томаса Мура и др., а равным образом — «Одиссею», индусскую поэму «Наль и Дамаянти» и песни западных славян. Красота этих переводов такова, что я сомневаюсь, существует ли в других литературах, включая даже особенно богатую хорошими переводами немецкую, равно прекрасные воспроизведения иностранных поэтов. При этом Жуковский не был переводчиком-ремесленником: он брал из других поэтов лишь то, что находило отклик в его собственной природе и что он сам хотел бы воспроизвести в поэтической форме. Печальные размышления о неведомом, порывы вдаль, страдания любви и скорбь разлуки — все эти ощущения, пережитые самим поэтом, являются отличительными чертами его поэзии и отражают его собственную душевную жизнь. Нам может теперь не нравиться его ультраромантизм, но не должно забывать, что в то время это литературное направление было, в сущности, призывом к пробуждению

⁵ В настоящее время обнаружено, что почти вся подготовительная работа, давшая возможность появления «Истории» Карамзина, была сделана Шлецером, Миллером и Штриттером, а также вышеупомянутым историком Щербатовым, взглядам которого Карамзин следовал в своей работе